

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

“УГЛЫ” ПРОФЕССОРА ДУРЫЛИНА

К 125-летию со дня рождения Н. Дурылина

Совсем недавно в издательстве “Колеров” тиражом всего в 500 экземпляров, как почти всегда и выходят сейчас такие издания, появился сборник “С. Н. Дурылин и его время”, которого, не будет преувеличением сказать, очень долго ждали исследователи и почитатели обширного творческого наследия Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954), известного деятеля культуры первой половины XX века, соединившего в себе (как это уже достаточно хорошо известно) и исследователя искусства, и религиозного философа, и писателя-прозаика, и поэта, и мемуариста, и автора дневниковых записей, заставляющих вспомнить Розанова, под заглавием “В своём углу”.

Фигура С. Н. Дурылина – очень сложная и своеобразная – в последнее время всё напряжённее привлекает к себе внимание и интерес довольно широкого круга исследователей искусства и философской мысли XX века, да, пожалуй, и просто культурных и образованных читателей. В последние годы появилось немало публикаций различных его произведений, ранее пребывавших в полном забвении и бывших достойным разве что узкого круга лиц, прикосновенных к его архиву.

Творческое наследие С. Н. Дурылина в очень значительной его части – культурно-исторический фон, на котором оно происходило, его связи с современниками, в основном с деятелями русского “серебряного века” – такими, как Г. И. Чулков, братья Н. К. и Э. К. Метнеры, Л. Л. Эллис-Кобылинский, В. В. Розанов, П. П. Перцов, А. Белый, Б. Л. Пастернак, Г. А. Рачинский, В. Ф. Эрн, С. Н. Трубецкой и “имя им легион”. Всё это, за исключением редких, малозаметных и разрозненных публикаций, лежало под спудом и вот теперь наконец как будто дождалось своего часа. В рассматриваемом сборнике всё это и многое другое впервые вводится в научный оборот и собрано воедино, главное, и помещено под одной обложкой.

Поначалу книга была задумана как сборник материалов конференции с одноимённым названием, прошедшей в январе 2004 года в Библиотеке русского зарубежья и Доме-музее С. Н. Дурылина в подмосковном Болшево. Однако с течением времени (сборник готовился чрезвычайно долго – 6 лет) он во многом перешагнул рамки конференции, его материалы были значительно расширены и изменены, поэтому он скорее напоминает том “Литературного наследия”.

Так чем же всё-таки в первую очередь характеризуется это издание, подготовленное Анной Резниченко, считающейся с некоторых пор чуть ли не ведущим специалистом в новой научно-культурологической области, получившей название “дурылиноведение”? Прежде всего, мы должны отметить несомненно высокий научный уровень большинства статей и публикаций сборника. Это

относится, например, к статьям Т. П. Гончаровой “С. Н. Дурылин в Муранове”, рассказывающей об отношениях и связях Дурылина с потомками Тютчева, в первую очередь, с правнуком поэта К. В. Пигарёвым, домашним педагогом которого был С. Н. Дурылин и которого он, можно сказать, воспитал как литературоведа-исследователя; И. В. Никериной “Берите пример с Серёжи...” (К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Н. Дурылина); Е. В. Пастернак “Пути “возвращения” Б. Л. Пастернака и С. Н. Дурылина”; В. П. Визгина “Дурылин как философ”; С. В. Марченко “С. Н. Дурылин и В. Ф. Эрн”, И. Е. Едошиной “Мифологема “угла”: тексты С. Н. Дурылина в пространстве русской культуры начала XX века”; Т. Г. Щедриной “Сергей Дурылин и Густав Шпет”; В. П. Троицкого “О картине М. В. Нестерова “Философы” и её интерпретаторах”; Г. В. Нефедьева “Моя душа раскрылась для всего чудесного...” с публикацией переписки С. Н. Дурылина 1909–1910 годов с одним из крупных деятелей русского символизма Л. Л. Кобылинским-Эллисом, сопровождаемой очень обстоятельно написанными комментариями. Даже один только этот перечень способен дать представление о широком круге проблем, связанных с творчеством Дурылина, и их серьёзной интерпретации в культурно-историческом, но главным образом в религиозно-философском аспекте. Интерпретации, добавим, в совершенном соответствии с современным уровнем филологической и философской науки. Именно последний аспект является всё же основным в работах, представленных в книге.

Однако, как нам представляется, С. Н. Дурылин сам по себе, скорее всего, мало что представлял собой оригинального как философ, и, конечно, не может быть поставлен рядом со многими своими блистательными современниками эпохи “серебряного века”. Но то, что он был одним из образованнейших и культурнейших людей своего времени – в этом нет никаких сомнений. И это убедительно и доказательно показано в материалах сборника. Неслучайно Дурылина кто-то из современников назвал “священником-декадентом” (С. Н. Дурылин, начиная с 1920 года, недолгое время служил священником в одном из московских храмов). Поэтому о “глубоком провинциализме” Дурылина, используя его собственные слова, можно говорить лишь в иносказательном смысле, а не в буквальном, как это делает один из авторов. Ведь Дурылин находился на самой вершине московской и вообще столичной культуры своего времени, коль уж об этом зашла речь.

Значительно меньше показан Дурылин как один из блестящих и высококультурных исследователей литературы, театра, живописи (Гоголь, Лермонтов, Вяземский, Пушкин, Островский, Гаршин или же его работы о драматургии Л. Н. Толстого), а его многообразные связи с театральными деятелями дореволюционной и советской эпохи остались во многом в тени, если не считать довольно поверхностной статьи с совершенно частным сюжетом “С. Н. Дурылин и газета “Малый театр”, принадлежащей С. Б. Мержанову. Вот если бы поднять тему “С. Н. Дурылин и Малый театр” – это было бы совсем другое. Правда, составителями обещано продолжение этого издания, его вторая часть, где, возможно, и будут восполнены некоторые из этих пробелов – но Бог его знает, сколько времени придётся этого дожидаться. По известной поговорке: “Улита едет – когда-то будет”.

Некоторые же работы сборника отличаются явными диспропорциями в расположении и анализе материала. Так, в небезытересной самой по себе статье Н. А. Вагановой “С. Н. Дурылин и Н. А. Римский-Корсаков: музыкально-философский контрапункт” всё-таки куда более значительное внимание уделено великому русскому композитору, нежели герою книги с его небольшой работой 1914 года “Церковь невидимого града”. Он оказывается где-то на втором плане.

Но к числу очень важных и интересных материалов мы относим те публикации, в которых на основании архивных материалов (в данном случае архива ФСБ) освещаются наиболее трагические и сложные моменты биографии Дурылина – его аресты и высылки в 1920-х – начале 1930-х годов. Таковы статьи В. Г. Макарова “Элемент политически безусловно вредный для Советской Власти...” (по материалам следственных дел в отношении С. Н. Дурылина 1922 и 1927 годов) и В. С. Боже “С. Н. Дурылин: челябинская ссылка (1923–1924)”.

Все эти впервые обнаруженные материалы высвечивают новые грани в фигуре Дурылина – человека, учёного и литератора, в котором порой причудливым образом совмещались истовая религиозность, православность до

мозга костей с резкостью и нетерпимостью, пристрастностью и просто, мы бы сказали, малопривлекательными личностными качествами. Во многом это был человек с двойным дном и двойной жизнью, которую он вынужден был вести в советские десятилетия своей, конечно, во многом трагической жизни, будучи официальным, но всё же никак не официозным научным работником – историком литературы и театра. Невзирая ни на что, он сумел всё же в этих условиях найти своё совсем не последнее место благодаря своей недюжинной природной одарённости и неустанному титаническому труду. И это не “внутренняя эмиграция”, как совершенно в духе теперешнего времени полагает А. Резниченко, а просто способ жизни и деятельности в другую эпоху, в которую всё же Дурылин вписался, как вписались в неё и многие другие выдающиеся его современники.

Нельзя не отметить и того, что в сборнике о Дурылине бросается в глаза уж слишком самоцельное использование многочисленных и разнообразных архивных материалов (а иногда даже и бездумное), в которых подчас герой книги предстаёт не самым привлекательным образом, в то время как в его опубликованных, тем более хорошо известных, почти классических трудах о Гоголе, Аксаковых, Гаршине, Островском, Ермоловой, Щепкине, Заньковецкой, Врубеле, Неверове перед нами – блестящий высокообразованный исследователь, писавший всегда легко, изящно, благородно, доказательно и с почти исчерпывающей полнотой.

Ну, а мало ли, собственно говоря, что мог написать человек под влиянием каких-то минутных настроений, быть может, раздражения от каких-то жизненных неурядиц – одним словом, сугубо личных, даже потаённых мотивов?

“Ангелы в сердце, и <...> мать на устах, – вот что такое Лермонтов” – читаем в одной из записей Дурылина. Едва ли это многое прибавляет к “физиономии” Дурылина-лермонтоведа. Для нас не подлежит никакому сомнению, что в любой научной работе, любом учёном издании должно быть, как сказал когда-то А. А. Фадеев по одному частному поводу, “сочетание опубликованных материалов и неопубликованных мыслей”. Вот второго-то как раз, с нашей точки зрения, и недостаёт некоторым публикациям книги о профессоре Дурылине. К сожалению, в первую очередь это относится к обширной публикации Анны Резниченко, завершающей издание, под заглавием “Сергей Дурылин: проекты и наброски к реконструкции ландшафта”, где исследовательница как бы задалась целью “обморочить архивами”, по известным словам одного из персонажей комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума”, читателей, о чём мы уже отчасти сказали выше. Так, нам думается, что совсем необязательно было сохранять чудовищную орфографию И. А. Комиссаровой-Дурылиной, совершенно безграмотной женщины, вдовы С. Н. Дурылина, при публикации одного из архивных документов, написанного её рукой, хоть это и связано с творческо-научными планами Дурылина. Нельзя также не сказать и о том, что в ряде помещённых в сборнике работ совершенно не учитываются исследования и публикации и, можно сказать, в целом труд предшествующих исследователей, тех, кто раньше писал о Дурылине – ведь не на совсем же пустом месте начинали свою деятельность в этой сфере современные исследователи! А ведь это один из первейших признаков **культуры** научной работы вообще.

О художественных же произведениях Дурылина, не публиковавшихся при его жизни (за исключением рассказа “Жалостник”, опубликованного в 1917 году в журнале “Русская мысль”), не сказано вообще ни слова. Как будто и не было романа-хроники “Соколиный пуп”. Хотя оговоримся, что это далеко не самая лучшая часть творческого наследия Дурылина. Художественным талантом он обладал явно ограниченным. И интересен всё-таки не этим.

Но и при всех этих высказанных нами оппозициях мы должны заканчивать тем, с чего начали – книга “С. Н. Дурылин и его время” – очень полезное и в определённом смысле уникальное издание, при всех своих издержках, а также и некоторых мелких неточностях и ошибках, на которых мы специально не останавливаемся.

Это безусловно новое научное слово, способное возбудить самый глубокий и серьёзный интерес к этой фигуре, главным образом, в контексте эпохи, его породившей, – эту главную свою задачу составители и авторы сборника выполнили. И их огромный труд заслуживает всяческого уважения и внимания.